

Пособия Хань Цинсуну высылались раз в три месяца. Однако он не отправлял его лично, так как все платежи были переданы в службу материально-технического обеспечения армии для единой обработки.

Эти два дня были датами прибытия денежных переводов за второй квартал. Сначала он отправится в окружной город, а затем почтальон отправит список денежных переводов на дом. Из-за нехватки персонала почтальону потребовалось бы не менее трех дней, чтобы отправить заказ на дом.

Линь Лань хотела извлечь максимальную пользу из этой разницы во времени. Завтра она отправится в уездный город, чтобы сначала получить список денежных переводов и заранее вынуть деньги, как и старая леди Хань.

Когда Хань Цинсун на раннем этапе предоставлял денежные переводы, получатель был записан на имя старика Хань. Но старая леди Хань взяла рекомендательное письмо и личную печать старика Хань, чтобы получить деньги.

Позже первоначальная владелица родила Сяованя. В последние несколько лет она ежегодно создавала проблемы, настаивая на том, чтобы Хань Цинсун перевел ей деньги. Старая леди Хань, естественно, отказалась согласиться, поэтому Хань Цинсун просто позволил, чтобы на нем также было написано имя Линь Лань. Оба имени были способны вывести деньги, просто у первоначальной владелицы никогда не было возможности сделать это.

Линь Лань подождала, пока Сяован закончит есть, прежде чем вывести его на прогулку, чтобы переварить пищу.

В переулке она встретила мальчика с деревни, который всегда играл с Санвангом. Она быстро спросила его: "Сяо Нью, где Санванг?"

Сяо Нью был ошеломлен ее присутствием. Не смея взглянуть на нее, он бросился прочь, сказав: "Южная река".

Линь Лань взвалила Сяованя на спину и направилась в южную часть деревни. По дороге многие жители деревни, которые проходили мимо, молча и украдкой бросали взгляды в ее сторону.

"Теперь с ней все в порядке? Разве она не умерла после того, как выплюнула белую пену изо рта?"

"Не говори ерунды, это, вероятно, просто вода, смешанная в пустой бутылочке из-под лекарства".

"Эй, как ты думаешь, Хань Цинсун действительно хочет развестись с ней?"

"Ш-ш-ш, она здесь".

Линь Лань прошла мимо с Сяованем на спине и взглянула на женщину, которая сплетничала о ее разводе. Она считалась одной из бывших врагов первоначальной владелицы. Она скопировала выражение и тон первоначальной владелицы: "Я бы не вышла за тебя замуж, даже если бы развелась".

"Ты!" Эта женщина была так зла.

Линь Лань неторопливо ушла.

“Она одержима?”

Почему бы не забыть об этом? До этого первоначальная владелица определенно сердито мстила бы, прыгая вокруг в ярости. Люди, которым больше нечем было заняться, часто любили раздражать ее, видя ее смешные и яростные восклицания.

Линь Лань подошла к Южной реке, когда несла Сяованя. Там она увидела маленького сопляка Санванга, плавающего в реке, как счастливая утка.

Глупое отродье, ты даже забыл о еде.

“Санванг, подойди сюда!” Линь Лань позвала его.

Санванг услышал голос своей матери, но нырнул в воду, как рыба. Он продолжал оставаться под водой в течение длительного времени.

Линь Лань была поражена, увидев это: “Хань Ванмин, быстро поднимайся сюда!”

Люди, которые вышли из своих домов, чтобы найти личинок цикад, услышали ее крик и поняли, что Сварливая Жена снова взялась за свое. Тем не менее, они собрались вокруг, чтобы понаблюдать за разворачивающейся сценой, сознательно или подсознательно.

Санвангу не хотелось уходить, но в конце концов он испугался, что Линь Лань рассердится, поэтому он неохотно подплыл и выбрался на берег с ошеломленным видом: “Мама, почему ты здесь?”

“Где твой второй брат?”

“Разве он не принес дыню домой? Я нашел дикую дыню, когда подстригал траву, и попросил своего второго брата отправить ее домой, чтобы мама поела”.

Линь Лань предположила, что Эрванг, вероятно, где-то спрятался и съел дыню сам. Она сказала Санвангу, чтобы он шел домой на ужин: “В будущем тебе не разрешается купаться в реке в одиночку или ночью.”

Подумав о возможности того, что этот ребенок утонет в воде, Линь Лань почувствовала, что для него было бы уместно держаться подальше от воды .

Санвангу было все равно: “Мама, я хорошо умею плавать”.

7-летний ребенок не считался разумным, но, как и маленький взрослый, он лучше срезал траву и ежедневно ловил рыбу, чем его старший брат.

“Вы слышали, что те, кто тонет, - это как раз те, кто умеет плавать? Зачем тем, кто не умеет плавать, приближаться к реке?” Линь Лань уговаривала его вернуться домой.

Хотя Санванг последовал за ней домой, он не воспринял это всерьез и говорил об этом взволнованно.

Вернувшись в деревню, чтобы посмотреть, как Санванг входит в дом, Линь Лань отправилась в штаб бригады с Сяованем на спине, потому что офицеры отделения часто бездельничали там после ужина.

В это время, когда все остальные семьи плотно ужинали, мужчины собирались по двое и по трое, чтобы насладиться прохладой и поболтать. Летний сезон был посвящен прополке, так что ночью особо делать было нечего. Дороги и водохранилища в последнее время не нуждались в дополнительном обслуживании, поэтому участники были относительно свободны.

Даже издали она слышала звук фонографа, который принес секретарь, когда играла Пекинская опера Легенда о красном фонаре (одно из 8 революционных образцовых произведений).

Увидев Линь Лань, идущую со своим ребенком на спине, жители деревни посмотрели на нее один за другим.

“Что она делает с этим маленьким дурачком на спине?”

До них доходили слухи, что она недолюбливала Сяованя и никогда не видели, чтобы она выводила его поиграть.

Она действительно была одержима сегодня?

Когда она просто устраивала сцену и суежилась, все говорили, что она поддалась злу; и все же, как только они привыкли к ее громким истерикам, и она оставалась спокойной, больше не приходя в ярость, было забавно, что жители деревни, казалось, думали, что вероятность того, что она одержима на этот раз, была значительно выше.

Линь Лань подумала, что хорошо иметь репутацию строптивой, чтобы защищать свое тело. В любом случае, ее репутация уже была на самом дне, так что в принципе нечего было стыдиться, когда другие сплетничали о ней.

Например, она притворилась, что не видит сборища жен, и прошла мимо с высоко поднятой головой, так что ей определенно не нужно было здороваться.

Поздороваться с ними было бы страшно.

Это было неписаное правило, что в бригаде собирались только мужчины. Мужчины найдут мужчин, чтобы поговорить вместе, а над женщинами будут насмехаться, если они придут.

В это время в стелькой местности, мужчины не умели хорошо выражать чувства своим женам. Помимо работы, некоторые мужчины никогда бы не стали разговаривать и обмениваться чувствами со своими собственными женами, что очень странно.

“Секретарь, командир, напишите мне рекомендательное письмо!” Линь Лань не боялась, что ее услышат. Вместо этого она научилась громко кричать, как это делала предыдущая хозяйка.

Преимуществом этого был тот факт, что было очень громко. Секретарь и Командир бригады услышали это, и кто-то откликнулся.

Она знала, где эти двое, поэтому пошла к ним с ребенком на спине.

“Жена Цинсуна, с тобой все в порядке?” У кадров не было особого предубеждения против нее, и они даже проявили инициативу, чтобы заботиться о ней.

Линь Лань старалась не выходить за рамки, насколько могла, поэтому она сказала с грубым выражением лица: “Я в порядке. Я просто хотела получить рекомендательное письмо, чтобы

завтра отправиться в уездный город.”

“Зачем ты едешь в уездный город?”

“Посмотрите на моего Сяованя—ему четыре года, и его глаза не в хорошем состоянии, поэтому я хочу отвезти его в больницу”.

Все вздохнули с облегчением. Она собиралась обратиться к врачу, а не жаловаться.

Она и раньше доставляла неприятности. Она думала, что Хань Цинсун не вернется домой, а ее свекровь обошлась с ней жестоко, поэтому она хотела подать жалобу в Революционный комитет уезда.

Если бы семья солдата подала жалобу или заявление, это стало бы очень серьезным вопросом.

К счастью, из этого ничего не случилось.

Командир переглянулся с секретарем бригады, не спросить ли нам старика Хань?

Секретарь подмигнул бухгалтеру, сидевшему рядом с ним, когда тот поспешил спросить старика.

Линь Лань снова сказала: “Секретарь, могу я занять пять юаней? Я верну оставшуюся часть, если не смогу ее потратить. Что касается остального, вы можете просто вычестить их из моих рабочих баллов позже”.

Вскоре бухгалтер вернулся и сделал жест— было такое дело.

Секретарь бригады радостно одобрил это, когда тот вернулся в комнату. Взяв бумагу, он написал несколько слов и запечатал ее, прежде чем позволить Линь Лань отпечатать на ней свой отпечаток пальца.

“Спасибо, секретарь. Спасибо, Командир”, - Линь Лань приняла рекомендательное письмо и деньги, даже попросив Сяованя еще раз поблагодарить их.

Все были в недоумении, видя, что она так вежлива. Что-то... не так.

Тигрица даже сказала “спасибо”? Этот вид вежливости принадлежал хорошо осведомленному городскому жителю.

Линь Лань почти ничего не сказала, предоставив им самим думать об этом, когда она пошла домой с Сяованем на спине.

Как только она ушла, в штабе бригады воцарился хаос, и они спросили, что происходит.

Старик Хань все еще злился из-за того, что эта женщина отправилась в мужское логово. Позже он услышал, что она занимала деньги для своего ребенка, чтобы сходить к врачу, и почувствовал, как его старое лицо снова покраснело. Это было потому, что его семья была той, которая жестоко обращалась с ее третьей семьей и отказалась помочь ей получить лечение для ребенка.

“Эта женщина сказала дома, что, если она не будет занята, она отправит его к врачу. Хотя я не ожидал, что она отправится туда лично.”

Те, кто был чутким, также могли понять ее точку зрения—она будет занята, так как до Осеннего сбора урожая оставалось всего несколько дней, так когда же к тому времени будет свободное время?

Или, возможно, это была старая леди Хань, которая не дала ей денег. Если бы заболел ее младший сын или дочь, она бы давно отвезла их в больницу.

С предыдущей предысторией Линь Лань старый глава Хань не слишком задумывался об этом. Он даже проявил инициативу, чтобы скрыть от старушки Хань, что Линь Лань заняла у Бригады пять юаней. Он собирался сходить позже, чтобы сказать им, чтобы они положили деньги на семейный счет.

В ту ночь Линь Лань велела Эрвангу внимательно следить за Санвангом. Затем она попросила Эрванга тихонько подойти к кухонному шкафу, чтобы взять что-нибудь перекусить.

В результате Эрванг достал две лепешки с размером в ладонь: “Мама, они съели все”.

Их семья была большой, поэтому для них было нормально доедать еду, приготовленную в тот же день. А на следующий день готовить снова.

Линь Лань пришлось сдаться, а затем спокойно взяла военный чайник, принесенный Хань Цинсунем. Она наполнила его водой и спрятала.

В Западном Кане пожилая леди Хань услышала движение и хотела взглянуть, но старик остановил ее: “Я думаю, ребенок пьет воду, просто ложись спать”.

На следующее утро перед рассветом Линь Лань встала и повела Сяованя в уездный город.

Поскольку не хватало сухой еды и не было продовольственных талонов, ей пришлось пойти в огород и она спокойно сорвала два огурца, чтобы утолить голод. Если старая леди Хань захочет отчитать ее за это, то так тому и быть.

В деревне Шаньцуй была только одна грунтовая дорога, которая вела в уездный город. Идя на восток вдоль Южной реки, он был менее чем в пятидесяти ли (25 км) отсюда. Однако ей придется долго идти со своим ребенком.

В конце концов, она была брезгливым современным человеком. Окруженная кондиционером в жаркую погоду и отоплением в холодную, она никогда не носила ребенка на руках под палящим солнцем.

Ей было жарко и она устала, чувствуя, что солнце над ее головой превратилось в большой огненный шар, чтобы опалить ее. Грунтовая дорога под ее ногами тоже была довольно ухабистой, поэтому она шла очень осторожно.

Вскоре ее спина, ноги и ступни начали болеть.

Сяован тоже был очень разумным ребенком. Поэтому он взял на себя инициативу идти, держась за руки, и не позволяя ей нести его.

Линь Лань пыталась убедить Сяованя поговорить, но ему не нравилось общаться после того, как он вышел из дома. Его рот был плотно закрыт, особенно с тех пор, как они покинули деревню Шаньцуй.

Линь Лань обратилась к нему с дюжиной предложений. Было бы хорошо, если бы он мог ответить одним или двумя словами; если бы это были посторонние, он вообще не стал бы утруждать себя ответом.

Линь Лань не заставляла его говорить. Честно говоря, она немного нервничала— если бы он начал с ней болтать, она действительно не знала, о чем говорить.

В конце концов, она действительно не знала, как воспитывать детей.

Позже они наткнулись на повозку с мулом. После того, как она некоторое время путешествовала пешком, ей посчастливилось бесплатно прокатиться.

После этого они, наконец в полдень, въехали в уездный город. Однако она не знала, где находится почтовое отделение, поэтому спросила дорогу у офицера службы безопасности с красными повязками на рукавах и в одежде цвета индиго.

Когда люди слышали ее тон и смотрели на ее позу вместе с худеньким ребенком, они знали, что она была бедной крестьянкой. Они сразу же с энтузиазмом показали ей дорогу, а добрый человек даже дал им две конфеты.

Линь Лань повела Сяованя выпить немного воды и съесть кусок лепешки на обочине дороги. Она задумалась, подумывая о покупке велосипеда; ее ноги определенно сломались бы, если бы она постоянно ходила бы так, без велосипеда.

Еды было мало. И каждый из них откусил по несколько кусочков и выпил несколько глотков воды, чтобы продолжить идти. Уездный город был не слишком большим, поэтому они вскоре прибыли на почту.

В это время почтово-телеграфное отделение уезда было небольшим. Рядом с универмагом это место очень бросается в глаза.

Линь Лань вошла в вестибюль и посмотрела в окно, где стояло несколько человек в очереди. Некоторые из них звонили и отправляли телеграммы, и у окошка для перевода денег стояли два или три человека.

Она притворилась, что ничего не понимает, поэтому попросила кого-нибудь спросить, где взять денежный перевод.

Работница в серо-голубой униформе помогла ей, спросив, откуда она родом и сколько она снимет.

Линь Лань пыталась подражать женщинам из деревне которые никогда раньше не видели мир. Робкие глаза и робкий тон голоса, естественно, вызывали у людей желание помочь.

“Вы принесли квитанцию о переводе денег?”

“Квитанция о переводе денег еще не отправлена домой, она была на почте в течение последних двух дней. Вы можете проверить это для меня? Если она не пришла, я подожду снаружи, всю ночь, а когда она придет, возьму деньги, а затем отведу ребенка в больницу для лечения”, - сказала Линь Лань, стараясь придать своему голосу как можно более обеспокоенный тон, чтобы вызвать у другой стороны чувство сочувствия к ней.

И действительно, работница посмотрела на Сяованя и спросила, в чем дело. Было жаль

осознавать, что у него плохое зрение.

“У этого ребенка такие красивые глаза, почему он не может видеть ясно?” Она подняла руку и поднесла ее к глазам Сяованя. Естественно, он не отреагировал.

“Подожди минутку, я проверю это для тебя”.

Вскоре работница улыбнулась и поприветствовала Линь Лань: “Вы пришли сюда в нужное время; мы как раз собирались отправить квитанцию. Если бы вы не пришли на этот раз, на получение квитанции ушло бы по крайней мере два или три дня”.

Линь Лань радостно поблагодарила ее.

Она достала рекомендательное письмо и свидетельство о браке: “Я женщина без образования. Я не могу написать свое имя, поэтому знаю только, как ставить отпечаток палца. Это свидетельство о браке, выданное правительством, может ли оно доказать, что я жена Хань Цинсуня?”

“Да, может!” Работница была удивлена ею.

Глаза Линь Лана были ясными: “Тогда, пожалуйста, быстрее достаньте их для меня”.

На этот раз это было 260 юаней— на 40 юаней больше, чем раньше!!!

<http://tl.rulate.ru/book/64199/1834934>